

НАШ С ВАМИ МХАТ

26 ОКТЯБРЯ исполняется 70 лет с того дня, как открылся Московский Художественный академический театр имени М. Горького. Накануне этого юбилея я попросил интервью у одного из прославленных когорты ведущих актеров МХАТ, имена которых звучат как символы театрального мастерства, сценического совершенства. Как только окончилась очередная репетиция, народный артист СССР, профессор школы-студии МХАТ Павел Владимирович МАССАЛЬСКИЙ ответил на вопросы «Недели».

— Павел Владимирович, — начал я, — что лично для вас «слилось в этом звуке» — МХАТ?

— Все, — сказал актер. — Все. Это мой родной дом, мой храм, святая святых. Даже зная все его недостатки, я преклоняюсь перед ним. О родном доме трудно говорить критически: его беда и радость, удача или болезнь — все это самое кровное, самое близкое для меня, как, полагаю, и для каждого мхатовца. Мхатовская семья — моя семья. Константин Сергеевич написал книгу «Моя жизнь в искусстве»; я не имею права повторить эти слова, но решительно могу теперь подвести итог: моя жизнь — в этом театре.

— И ныне ему семьдесят. Какие чувства, мысли вызывает у вас юбилей?

— Мне несколько грустно. Старею, что делать... Уступаем место тем, кто моложе. Конечно, к этому надо относиться мужественно и мудро. Пришли новые поколения актеров, среди них немало талантливых людей. Думаю, что мы, старшие, не так уж много внимания обращали на младшее поколение. Пусть они, наша смена, окрепнут, пусть берут театр в свои руки, следуют лучшим традициям МХАТ и развивают их. Пусть мыслят так: «Важно не то, что нужно мне, а то, что нужно моему театру». И пусть никогда не будет на этой сцене проблемы дедов, отцов и внуков...

— С чем связаны самые дорогие для вас дни в Художественном театре?

— Не дни, а месяцы и годы — все то удивительное время, на которое приходится встречи с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, драгоценное общение с ними и с великими стариками — В. И. Качаловым, О. Л. Книппер-Чеховой, И. М. Москвиным, Ю. М. Леонидовым, М. М. Тархановым, — мне посчастливилось быть их партнером на сцене. И еще особенно дорог мне тот этап жизни МХАТа, когда в него влилась 2-я студия; молодежь стала занимать значительные позиции, театр помолодел. Старики пристально присматривались к новичкам, находили в них много доброго. Не было различий — кто маститый, а кто нет; отлично работали сообща, скажем, Качалов с Хмелевым или Леонидов, допустим, с Добронравовым... Повторю, за всеми нами старшие внимательно наблюдали, не только за творческим, но и за нравственным ростом, и это нас очень обогатило.

— Как вы считаете, удался в целом ваш актерский путь?

— Хм... (С едва заметной улыбкой). Мне всегда везло. Я числюсь в «счастливицах»: мне все время давали роли... В театр я явился в день своего рождения — стукнул двадцать один год — и был зачислен «разовым актером»: бессловесные выходы на сцену. Потому и первая моя роль — лакей у Мамаевых в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты». Но и к таким ролям относились очень и очень серьезно. Затем меня заметили К. С. Станиславский и В. В. Лужский. Первая значительная роль, которую я сыграл, — Альфред в дикенсовской «Битве жизни».

— А роль, которую вы всю жизнь мечтаете сыграть? Ведь она есть, такая роль, правда?

— Правда. (Улыбался несколько растерянно). Но... я не назову ее... Мои ровесники-мхатовцы смеяться станут. У каждого актера есть роль-мечта, и это его тайна.

— Из этого можно заключить, что, хотя на вашем счету многие десятки ролей, желание играть и играть остается?

— Если бы оно исчезло, я тут же кончился бы как актер. Хочу, хочу играть! И знаете, наверное, потому, что мне из-за внешних данных пришлось в основном исполнять классический репертуар, теперь я стремлюсь к современной роли. Естественно, не к любой. Точнее, не к такой, которую можно из одной пьесы перенести в другую и ничто в ней не изменится. Хотелось бы полнокровной психологической роли, с противоречиями, сложными движениями души...

— Интересно, Павел Владимирович, когда актер обладает огромным опытом и мастерством, роли даются ему легче?

— Сомневаюсь. Поймите, не хочется повторяться, черпать краски из знакомых ящичков памяти и опыта. Значит, вечные поиски, вновь и вновь ощущение экзамена. Каждая роль — это как рождение ребенка. И, признаюсь, неудавшаяся

ся работа обычно становится ближе и роднее, чем успешная; ведь и родители особенно жалеют слабое дитя.

— Вы видели сотни спектаклей МХАТ, во многих сыграли сами. Какой же из них вам особенно запомнился?

— «Царь Федор Иоаннович» с И. М. Москвиным. Мне даже довелось играть в нем маленькую роль. Особенно поразил меня «Царь Федор», исполненный в день 70-летия Ивана Михайловича. И не подумайте, пожалуйста, что семь десятков лет хоть как-то отразились на игре Москвина. Нет, он своим гением совершенно преодолел возраст!

— Павел Владимирович, вот кончился вечерний спектакль, вы пришли домой. Что вы делаете?

— Я, конечно, устал, а завтра с утра занятия в школе-студии, где я преподаю уже 22 года. По утрам я газеты читать не успеваю и потому непременно прочитываю вечером. Ужинаю. Рано ложусь спать. Если не слишком утомлен, еще раз бегло продумываю завтрашние занятия.

— А если день вовсе без спектакля, без репетиций?

— Стараясь уехать за город. Хозяйствую на даче: колю дрова, поливаю цветы, сажаю деревья. Тринадцать лет назад посадил клены — они сейчас ох какие, моя гордость! Живет там и собачка Вакса, очень славная, хотя абсолютно без роду и племени (может быть, я и симпатизирую ей за генеалогическую неприязнательность). Вакса тоже требует внимания. Там тихо, никого нет, только мы с женой. Можно сосредоточиться, и я учу роли, ни на что не отвлекаясь. И читаю, естественно. Читаю все, что заинтересует, но перечитываю Чехова. Спортом, к стыду своему, почти не занимаюсь. Когда-то в футбольной команде МХАТ играл правого края, но весьма неудачно. Теперь больше болею — за «Спартак».

— Павел Владимирович, мастерство актера, вероятно, накапливается по крохам? Но как добываются некоторые его детали, например, умение свободно и красиво носить старинную одежду, держаться, скажем, как вельможа?

— Да, мастерство накапливается годами ежедневной работы. Помню, я пожаловался Тарханову, что чересчур загружен, занят почти во всех спектаклях. Михаил Михайлович ответил мне: «Будь счастлив, что играешь каждый день! Но отнесись к этой удаче с умом, не играй, словно заведенная пластинка. Меняй мелодию. Ищи, учись и вырастай». Я по сей день воспринимаю эти слова как заповедь и студентам своим передаю... Что же касается частностей, деталей, то и нас этому учили, и мы сами учились. Актер обязан быть наблюдательным, даже произвольно, подсознательно «подсматривать», как ведут себя люди. Допустим, носить фрак мы учились, глядя на В. И. Качалова, который часто появлялся во фраче не только на сцене; кроме того, в театр приходили знатоки, которые показывали, как должен держаться, предположим, гусарский офицер, как носить мундир, фрак, треуголку, кивер. Кстати, в некоторых нынешних исторических фильмах порой так и режут глаз неверные манеры, неточное поведение иных актеров. Увы, мало осталось специалистов, которые могли бы педантично воспроизвести всю тонкость былого этикета. Мы, актеры старшего поколения, стараемся передать, что знаем, нашим ученикам — по мере собственных возможностей.

— Кстати, об учениках. Что главное стремитесь вы, профессор, педагог, воспитать в будущем актере?

— Человечность. Любознательность. Вообще нужно любить людей: а уж актеру, убежден, это профессионально необходимо. Обязательно интересоваться всем миром, чтобы больше знать, а отсюда — и больше уметь. Стремлюсь привить студентам, так сказать, вакцину против творческой недисциплинированности. Один в поле не воин, даже если необычайно талантлив; наше искусство коллективно. Успех МХАТ в Англии, Франции, США, Японии и многих других краях — успех ансамбля, созданного К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Ансамбля, хотя газеты мира и писали об актерах МХАТ: «Созвездие», «Звезды»... Поглядите на театр «Современник» — прекрасный ансамбль! Я им, современникам, преподавал — О. Ефремову, М. Козакову, Е. Евстигнееву и другим и ныне радуюсь: вот ансамбль мхатовских питомцев!

— Мхатовцы всегда славился умением пошутить, весело разыграть друг друга...

— Неловко рассказывать о том, как разыграли тако-го-то или тако-то. Лучше я вспомню, как разыгрывали меня. Ну, хотя бы этот подвох! Было это в трудные годы, когда страна поднималась после гражданской войны и разрухи. Продуктов не хватало, а мы как раз оказались на гастролях в городе, где было неважно со снабжением. Ходили полуголодными — и актеры, и зрители. Как-то перед спектаклем собирается группа наших в столовую. Я не пошел: все равно не пообедаешь как следует. Друзья вернулись, гляжу — достают зубочистки и рассказывают с таким видом, будто очень плотно и вкусно трапезничали. «Что ели?» — спрашиваю. Отвечают невеселыми: «Курицу». «Неужто в самом деле курицу?» «Иди», — говорят, — и тебе дадут. Только действуй аккуратно. Подойди к буфетчику и конфиденциально сообщи, что ты из Художественного театра, тогда и проси курицу». Я поспешил в столовую. Подошла моя очередь, тянусь к буфетчику и вполголоса говорю: «Мне бы курочку... Я из Художественного театра...» Буфетчик рот раскрыл. «Чего?» — переспрашивает. Немного смешавшись, я повторяю: «Куричку, из Художественного театра...» О, надо было слышать, как он меня адресовал! В театре у нас по сей день помнят об этом: скажем, один у другого допытывается: «Откуда у тебя такая авторучка? Это что, курочка из Художественного театра?»

— В начале беседы вы сказали: «Мхатовская семья».

Дружная это семья?

— Главное, конечно, творческая дружба, сцена МХАТ, которая объединяет в коллектив разных по характеру и особенностям людей. Мы можем и ссориться, но это соры творческого порядка. А дружба — вне театра... Ну, к примеру, я много лет в дружеских отношениях с Аллой Константиновной Тарасовой, мы дружим семьями. 55 лет — стаж нашей дружбы с коллегой по МХАТ Николаем Павловичем Лариным. Дружил я с покойным Владимиром Львовичем Ершовым, с Николаем Ивановичем Дорохиным. Друзей у каждого из нас много, весь МХАТ. Наш общий МХАТ.

НА ПРОЩАНИЕ мне очень хотелось поздравить МХАТ с 70-летием. И я дерзнул сказать Павлу Владимировичу, что поздравляю его и всех его товарищей от имени журналистов и читателей «Недели».

Э. ЦЕРКОВЕР.